

**СИСТЕМА ТЕКСТОВ ДЛЯ КЕЛЕЙНОГО ЧТЕНИЯ
В КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКОМ И ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОМ
МОНАСТЫРЯХ И ИНДЕКСЫ ИСТИННЫХ КНИГ**

Ключ к пониманию ряда значимых процессов, происходивших в русской книжности после эпохи 2-го южнославянского влияния, дает изучение репертуара таких памятников, как индексы истинных книг. Эти памятники известны в многочисленных списках и весьма разнообразны. По сути, это не что иное, как самостоятельный жанр, притом разные произведения этого жанра тесно связаны с различными реальными процессами, происходившими в русской книжности XV—XVII вв.¹

С начала XV в. в рукописях появляется распространенный и устойчивый тип индекса, который мы обозначили как Основной и среди списков которого нами выделены две Краткие (далее — 1КР и 2КР) и две Полные редакции. Особенность структуры Основного типа индекса истинных книг — наличие двух частей: перечня библейских и святоотеческих книг. Как правило, индексы истинных книг сопровождались соответствующими редакциями индексов книг ложных. Помимо Основного индекса в настоящей статье будет рассмотрен еще один тип древнерусской библиографии — Индекс библейских книг (далее — ИБК). По сравнению с Основным индексом он гораздо менее продуктивен и структурно беднее: в нем содержатся лишь разделы библейских и ложных книг.

В книжности Кирилло-Белозерского монастыря индексы истинных книг были весьма популярны. Сейчас известно 12 списков памятника по рукописям, происходившим из скриптория этого монастыря, входившим в монастырское собрание, а также связываемым различными исследователями с этим книжным центром.

¹ *Грицевская И. М.* Индекс истинных книг. СПб., 2003.

При этом несомненное предпочтение отдавалось индексам Основного типа обеих Кратких редакций — из 12 списков 10 приходится именно на эти две редакции.

Помимо этого, в монастыре имелся 1 список ИБК (РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 275/532, сборник богослужебных и богословских текстов, кон. XV—нач. XVI в., л. 343); этот вид текста древней библиографии, как будет показано далее, активно использовался при разработке индексов Основного типа. Кроме того, одним из писцов монастыря в конце XVI в. был переписан индекс, названный нами в связи с особенностями репертуара Исихастским, о нем далее будет сказано подробнее.

Возвращаясь к бытованию Кратких редакций в Кирилло-Белозерском монастыре, отметим, что два наиболее ранних списка включены в рукописи, входившие, как полагают исследователи, в личную келейную библиотеку Кирилла Белозерского. Это сборники РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № XII и XIII.² Относительно сборника Кирилло-Белозерского XII высказано достаточно обоснованное предположение, что он создавался уже в Кирилло-Белозерском монастыре первыми его насельниками под руководством святого Кирилла.³ Сборник XIII похож по жанру на XII и представляет собой собрание игуменских материалов. К сожалению, этот последний сборник не изучен столь детально, как сборник № XII.⁴ Не исключено, что он мог быть составлен еще в Симоновом монастыре до ухода оттуда Кирилла. Конечно, нельзя говорить о происхождении сборника до появления подробного кодикологического исследования, однако анализ индексов истинных книг, помещенный в этих двух сборниках, говорит о их разнородности.

Дело в том, что два данных сборника содержат индексы разных групп 2КР. Если сборник XIII содержит текст группы, которую мы обозначили как Кирилло-Белозерская первая (далее — КБ1), то сборник XII содержит индекс, относящийся к группе Кирилло-Белозерской 2 (далее — КБ2). Ряд особенностей данных групп позволяет говорить о том, что индексы КБ1 стадияльно более ранние, нежели индексы КБ2. Индекс КБ2 является переработкой индекса КБ1.

² Прохоров Г. М., Розов Н. Н. Перечень книг Кирилла Белозерского // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 353–378; Прохоров Г. М. Книги Кирилла Белозерского // Там же. С. 50–70.

³ Прохоров Г. М. «Сице помыслих лепо...» (Автограф Кирилла Белозерского и устройство его обители. По данным сборника РНБ, Кирилло-Белозерское собр., XII) // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 53. С. 59–75.

⁴ Энциклопедия русского игумена XIV—XV вв.: Сборник преподобного Кирилла Белозерского. Российская национальная библиотека, Кирилло-Белозерское собрание, № XII / Отв. ред. Г. М. Прохоров. СПб., 2003.

Обе группы дали начало длительной традиции, которая оставалась продуктивной в стенах Кирилло-Белозерского монастыря в течение последующих двух веков.

Еще два списка индексов вошли в состав знаменитых Ефросиновских сборников.⁵ Это сборник 50—70-х гг. XV в. (РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 22/1099, л. 40 об.—42 — почерк Ефросина) и сборник 1492 г. (РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 53/1130, л. 550—552).

Отметим, что Ефросин однозначно придерживался индекса группы КБ2, впервые, как мы отмечали, появившегося в сборнике XII.

Особый этап истории индексов связан со сборниками, называемыми «Златые цепи» 3-го типа (по классификации М. С. Крутовой⁶). Индексы Кратких редакций встречаются в 1-й и 3-й группах этого типа. Разной степени достоверности связь с кирилло-белозерской книжной традицией имеют следующие сборники:

1. РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 10/1087, «Златая цепь», 3-го типа, 3-й группы, 1-я пол. XV в., л. 314—315 об. (далее — Кирил.). Индекс группы КБ2.

2. ГИМ, Воскресенское собр., № 103, «Златая цепь», 3-го типа, 1-й группы; 2-я пол. XV в., л. 126 об. (далее — Воскресен.). Сборник содержит единственный русский памятник — Житие Никиты Переяславского, на этом основании можно говорить о связи сборника с Залесскими землями. Индекс группы КБ2, видоизменен.

3. ГИМ, Синодальное собр., № 951 (далее — Син. 951), сборник с выписками из «Златых цепей» 3-го типа, 60-е гг. XV в., л. 90—91. Анализ содержания данного сборника позволил Р. П. Дмитриевой сделать вывод о связи рукописи с Кирилло-Белозерским монастырем.⁷ Индекс относится к особому варианту 1КР, видоизменен.

Исследователи сборника «Златая цепь» отмечают неоднородность групп 3-го типа. Они пишут, что если 1-я группа — это «настоящая» «Златая цепь», то сборники 2-й и 3-й групп — «самозванные».⁸ Мы видим, однако, что индекс присущ и «настоящим», и «ложным» «Цепям» и, кстати, указывает на имеющуюся между ними связь. Кроме того, как будет показано ниже, анализ индексов

⁵ Казан М. Д., Поньрко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35. С. 1—300.

⁶ Крутова М. С. Сборники «Златая цепь» в русской письменности // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Новосибирск, 1990. Вып. 5, ч. 1.

⁷ Дмитриева Р. П. Четыре сборники XV в. // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 163.

⁸ Крутова М. С., Невзорова Н. Н. Златая цепь // Словарь книжников. Вып. 1. С. 186.

может способствовать некоторым выводам относительно генезиса самого сборника «Златая цепь».

Необходимо отметить, что индекс из Син. 951 — один из самых ранних списков 1КР вообще. Однако текст 1КР из Син. 951 не вполне совпадает с обычным видом 1КР, достаточно широко известным по позднейшим рукописям; в нем изменен перечень библейских книг — «свой» перечень замещен перечнем из ИБК.

Подобная же замена отмечается и для индекса 2КР. Имеется в виду «Златая цепь» из Воскресен., где «свой» перечень библейских книг заменен точно таким же образом.

Для прояснения связи индексов Кратких редакций со сборником «Златая цепь» в круг нашего рассмотрения необходимо ввести еще три рукописных списка «Златой цепи», включающих списки индексов Кратких редакций и ИБК.

Текст ИБК отдельно от обеих Кратких редакций имеется в «Златой цепи», вошедшей в состав Макарьевских четых миней (ГИМ, Синодальное собр., № 996. Успенский список Великих Четых Миней, июль, л. 1041, глава 65). Вошедшая сюда «Златая цепь» отнесена М. С. Крутовой к 3-му типу, 1-й группе.

Еще один список «Златой цепи» (3-й тип, 1-я группа) входит в Епархиальное собрание ГИМ, № 367, кон. XV в. (далее — Епарх.). Здесь имеется индекс 2КР, но значительно урезанный: читается лишь часть статьи, посвященная только индексам небиблейских истинных книг (библейские книги, а также перечень ложных книг выпущены). Бытование сборника связано с Волоколамским монастырем.

Сборник выписок из «Златой цепи» (ГИМ, Музейское собр., № 1009, 50-х гг. XV в., л. 148—149 (далее — Муз.)) неизвестного происхождения, включает индекс 1КР.

Таким образом, индекс истинных книг разных групп и редакций встречается в четырех списках «Златой цепи» 3-го типа (три 1-й группы, одна 3-й группы) и в двух сборниках выписок из «Златых цепей» 3-го типа. Соотношение редакций индексов, связанных со «Златой цепью», выглядит так, как показано на рис. 1.

Таким образом, соотношение текстов индексов показывает некоторые возможности соотнесения списков «Златых цепей». Кроме того, представляется вероятным указать Кирилло-Белозерский монастырь как место, в котором проходила непосредственная работа над составлением «Златой цепи» 3-го типа, поскольку становление редакций индекса, создаваемых в Кирилло-Белозерском монастыре, отражено в названном сборнике.

Отметим, что использованный для видоизменения индексов в «Златых цепях» текст ИБК появляется в собрании Кириллова монастыря и в качестве самостоятельного текста. Так, ИБК входит

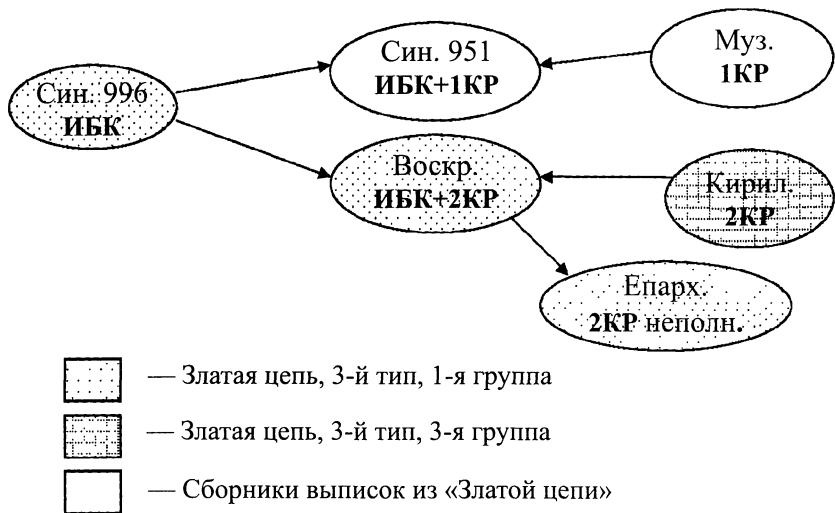

Рис. 1. Соотношение редакций индексов истинных книг в списках «Златой цепи» разных групп и сборниках выписок из «Златых цепей».

в упомянутый выше сборник РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 275/532, который возможно, побывал в руках у Паисия Ярославова.⁹

Итак, кирилловское собрание содержит наиболее ранние и архаичные по составу списки 2КР. Два списка, входившие в келейные книги Кирилла Белозерского, и есть наиболее ранние списки и индексов Основного типа вообще, и 2КР в частности. Они положили начало двум разным группам 2КР. При этом группа КБ2 особенно была распространена в Кирилло-Белозерском монастыре — из 6 списков этой группы, относящихся к XV в., 4 вышли из этого монастыря. Важно отметить, что индексы КБ2 (очень немного измененные) легли в основу индекса, включенного в особую редакцию Скитского устава, в большом количестве списков присоединявшегося к Иерусалимскому уставу (хотя Устава с такой подборкой в собрании Кирилло-Белозерского монастыря не имелось). Тем самым индексы КБ2 обрели некий официальный статус.

Если в Син. 951 индекс 1КР читался в составе «Златой цепи», то в дальнейшем редакция была связана с иным сборником — кормчей Чудовской редакции, где памятник являлся главой 66. Чудовская Кормчая — малоисследованный памятник, возникший, возможно, в

⁹ Прохоров Г. М. Паисий Ярославов // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 2. С. 156—160.

конце XV в. в кругу архиепископа Новгородского Геннадия. Наличие в этой кормчей индекса истинных книг 1КР, возможно, свидетельствует о связях Геннадиевского книжного кружка и книжников Кирилло-Белозерского монастыря.¹⁰

В библиотеке Кириллова монастыря были две кормчие Чудовской редакции. Первая из них относится к XVI в. (РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 2/1079. Индекс на л. 308—308 об.). Вторая (РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 1/1078) датирована 1590 г. и была написана рукою монастырского дьячка Тихона Феодорова Азатцкого для кирилловского старца Леонида, к которым в данной статье мы еще вернемся.

Индексом занимались крупнейшие книжники, связанные с традициями Кириллова монастыря, — Нил Сорский и Гурий Тушин. И если интерес к индексу со стороны Нила приходится доказывать, то Гурий оставил непосредственные свидетельства своего интереса к данному памятнику. Так, в сборнике, написанном под руководством Гурия Тушина, имеется особый уникальный вариант индекса, основанный на 1КР. Это Часослов с дополнительными статьями 1-й четв. XVI в. (РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 281/538, индекс на л. 324 об.—325 об.). К Часослову присоединен ряд статей: о соединении церковей при Константине и Романе, из Патерика и проч., среди которых и переписан индекс. Имеется запись Гурия Тушина, что книга написана «его строением и труждением».¹¹ Публикация индекса Гурия Тушина приводится нами в Приложении к данной статье.

Вариант из Часослова Гурия Тушина основан на 1КР, однако сильно сокращен и упрощен. Так, из перечня библейских книг исключены все спецификации, даны лишь суммарные указания на книги пророков, на Евангелия, на соборные послания и на послания апостола Павла. Также нет указаний на Песнь Песней и Паралипомен.

Количество небиблейских истинных книг резко сокращено. В перечне нет «Симеона Богоприимца», «Павла Монокасийского», «Хронографа», «Родословия», «Чепей», «Глубины», «Бисера», «Иосифа Маттафиина», «Андрея Юродивого», «Исуса Семирамина», «Трех вопрошений философа», «Странника», «Стослова», «Пчелы», а также названий библейских книг, повторенных среди небиблейских (такие повторения характерны для 1КР). Зато в конце добавлены

¹⁰ Грицевская И. М. Чудовская Кормчая и Иерусалимский Устав в русской книжности конца XV—нач. XVI века // Религии мира: История и современность. М., 2004. С. 52—60.

¹¹ См.: Казакова Н. А. Очерки по истории русской общественной мысли. I треть XVI в. Л., 1970.

следующие названия: «Исак», «Симеон Новый Богослов», «Петр Дамаскин», «Зосимины главы».

Изменению подвергся и перечень ложных книг, сопровождающих перечень истинных книг. Этот перечень сохранился у Гурия Тушина едва ли наполовину, очень много книг было им исключено. Исключенными по сравнению с обычным списком 1КР оказались следующие указания: «Едомъ»; «Петрова обавления»; «Варнавино послание»; «Деание Павла»; «Обавление Павла»; «Учение Климентово»; «Евангелие от Фомы»; «Паралипомен Иеремии о пленении, что и орла слали съ грамотами къ Иеремии въ Вавилонь»; того же [Иоанна] «въпросил Авраама праотца»; «Варфоломея въпрось Богородици»; «Детство Христово»; «Богородицино хождение по мукамъ»; «Лобъ Адама, что семь цареи седело»; «Имена аггеламъ»; «Прение дьявола с Христомъ»; «О Макарии Римскомъ и что три черныца ходили»; «О Соломоне цари басни и кошуны и о Китоврасе»; «12 Иаковъличей и глаголемая лествица»; «Георгиево мучение»; «Никитино мучение»; «Евпатиево мучение»; «Мучение Климента Ангирского».

Никаких новых указаний на ложные книги в перечне Гурия не прибавлено.

Несмотря на такое сокращение, перед нами все же именно вариант 1КР, поскольку все оставшиеся после сокращений указания идут в строго определенном порядке, свойственном именно этой редакции.

О интересе Гурия и его окружения к индексам свидетельствуют и другие сборники. Так, сборник 10-х гг. XVI в., вышедший из круга Гурия Тушина (ГИМ, Синодальное собр., № 185(355)), включает целых два индекса (л. 15—17 и 160—165). В данный сборник входят послания Нила Сорского, главы из его Устава, «Повесть о Ниле Синайском» Никона Черногорца, «Воспоминания отчасти святыя горы Афонския». Г. М. Прохоров предполагает, что писец — один из сотрудников Гурия — имел дело непосредственно с автографами Нила Сорского и отразил в своем сборнике интересы самого Нила.¹²

Первый из индексов данного сборника (л. 15—17) содержит обычный перечень истинных книг 2КР, группы КБ1. Однако индекс ложных книг, сопровождающий его, своеобразен. Он представляет собой одну из частей (первую) индекса ложных книг из группы КБ2. Вторая часть этого же перечня ложных книг, обычно переписываемая в едином комплексе, в данном сборнике переписана на л. 160—165. Здесь она претерпела серьезное редактирование, превратившись в самостоятельный своеобразный памятник. Сюда

¹² Прохоров Г. М. Послания Нила Сорского // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 133.

добавлен материал из индексов группы КБ1, а также из некоторых апостольских и соборных правил, имеющих в Кормчих. Так, если обычно в индексы Основного типа включалась лишь преамбула 85-го апостольского правила, то здесь оно переписано все полностью, с перечнем истинных библейских книг. Перечень же истинных святоотеческих книг из индекса здесь отсутствует.

Писания Нила соседствуют с индексом истинных книг 2КР в еще одном кирилловском сборнике нач. XVI в. (РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 25/1102. Индекс КБ1 находится на л. 204—205).

Помимо этого, Индексы истинных книг разных редакций входили в конвой произведений Нила Сорского, переписанных и хранящихся не в Кирилловом монастыре (РГБ, Волоколамское собр., № 497, Расширенная ред., группа 1).

Скорее всего, такая связь не случайна, и индекс истинных книг входил в сферу интересов самого Нила. Это полностью оправдывается имеющимися представлениями о личности и творчестве этого монаха-книжника, который считал чтение святоотеческих писаний важнейшим элементом монашеского подвига. При этом известен его подход к отбору текстов отцов, нашедший отражение в его послании Гурию Тушину: «Писания бо многа, но не вся божественно суть».¹³

Огромная эрудиция Нила в области святоотеческих писаний, особенно в области аскетической литературы, позволяет связать с его именем появление чрезвычайно обширной и необычной редакции индекса истинных книг, известной нам по четырем рукописям, наиболее ранняя из которых является Уставом и восходит к сер. XVI в. (РГБ, ф. 247 (Рогожское собр.), № 748. Индекс на л. 56 об.—59 об. Гл. 105).

Перечень святоотеческих книг в названной редакции включает ряд тематических разделов, тесно связанных с новыми течениями и вновь появляющимися интересами в русской книжности кон. XV—нач. XVI в., особенно проявившимися в писаниях «заволжских старцев» во главе с Нилом Сорским. Так, сюда вошел очень полный перечень славяно-русских переводов аскетических творений, бытовавших в русской книжности, а также ряд популярных полемических сочинений, актуальных в период борьбы с «жидовствующими».

К сожалению, происхождение данного устава остается невыясненным, однако несколько более поздний полностью аналогичный устав, включающий такой же индекс, происходит из Кириллова монастыря. Это Устав 1587/88 г. (БАН, Белокриницкое собр., № 112), переписанный, судя по писцовой записи, дьячком Кирилло-Белозерского монастыря Тихоном Азатцким по заказу старца Леонида.

¹³ Там же. С. 140.

Индекс расположен здесь на л. 521—523 об. и является гл. 105, как и в Рогожском Уставе.

Имя писца Тихона Феодорова Азатцкого уже встречалось нам — именно он являлся переписчиком одного из кирилловских списков Кормчей Чудовской редакции, содержащей индекс 1КР. В Кормчей, как и в Уставе, имеется писцовая запись Тихона о том, что книга была переписана в Кирилло-Белозерском монастыре по заказу «государя старца Леонида». Тихон был достаточно продуктивным кирилловским переписчиком книг: в настоящее время нами найдено 6 рукописей с его писцовыми записями.

О старце Леониде (Ширшеве) известно, что он обрел большой авторитет и влияние в Кирилловом монастыре в последнее десятилетие XVI в., даже стоял во главе обители в 1595/96 г.¹⁴ Именно в период наибольшего могущества старца он заказывал себе книги у переписчика с красивым и устойчивым почерком, Тихона Азатцкого.

История устава, переписанного Тихоном Азатцким, сложна и требует специального обсуждения. Однако предварительный анализ позволяет предположить, что составитель пользовался материалами из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря.

Итак, большинство кирилловских рукописей, содержащих индексы, хорошо известно в науке, значимо для истории древнерусской книжности, вышло из-под пера известных деятелей русской культуры или принадлежало им. Более того, индекс является в этих сборниках весьма важным элементом, а возможно, и одним из ключевых составляющих, позволяющих сделать ряд выводов о их составителях.

Был ли Кирилло-Белозерский монастырь нач. XV в. местом создания архетипа индекса истинных книг Основного типа? Очевидно, что первый игумен монастыря и его сподвижники и духовные дети, решая вопрос о келейном чтении братии, много работали над рекомендательной библиографией. Именно отсюда происходят все наиболее древние по времени создания и архаичные по составу списки Кратких редакций памятника. Необходимо отметить, что в библиотеке Кириллова монастыря отмечается почти исчерпывающее многообразие вариантов текста Кратких редакций. Тут имелись почти все возможные текстовые вариации, возникшие при создании индекса истинных книг, настоящая «творческая кухня». Эти данные могут означать только одно — Краткие редакции индексов были созданы именно в этом монастыре.

Иное, гораздо менее значимое место занимали индексы в другом крупнейшем книжном центре — Троице-Сергиевом монастыре.

¹⁴ Успенский Н. О больших строителях Кирилло-Белозерского монастыря. М., 1896. С. 30—31.

Ныне в собрании Троице-Сергиевой лавры имеются 8 рукописей, в которые входят списки индексов.

Две из этих рукописей (РГБ, ф. 304 (собр. Троице-Сергиевой лавры), № 227, 786) содержат упоминавшийся выше ИБК. Оба списка имеют характерную ошибку в названии (вместо «лаодикийский собор» — «иладийский», «клаудейский»). Такую же точно ошибку мы наблюдаем в индексе, переписанном соловецким иноком Досифеем (РНБ, Соловецкое собр., № 858/968. Кормчая, 1493 г., л. 31—32 об.), однако ее нет в ИБК из Кирилло-Белозерского монастыря. Текст индекса из двух названных троицких рукописей передает и другие особенности, имеющиеся в списке соловецкого старца: вместо «Есфирь», «Юдифь» читается «Естифь. Удирь»; Евангелия перечислены в следующем порядке: «Иоанн. Матфей. Лука. Марк».

Обе рукописи едва ли созданы в троицком скриптории. Сборник Тр. 786, похоже, имеет ростовское происхождение. Служебник Тр. 227 слишком напоминает «молитвенники сельских попов», о которых упомянуто в индексе книг ложных, чтобы быть созданным в крупном культурном центре.

В двух троицких кормчих Чудовской редакции (РГБ, ф. 304 (собр. Троице-Сергиевой лавры), № 205, 206), как и ожидалось, обнаружены индексы 1КР. Более древнюю Кормчую (Тр. 205, кон. XV в.) дал вкладом в Троицкую обитель по своей душе инок Арсений Одинец. Тр. 206, по мнению Арсения и Илария,¹⁵ списан с Тр. 205. В таком случае Тр. 206 возник именно в Троицком монастыре. Рукопись Тр. 206 принадлежала троицкому ризничему дьякону Маркелу (по монастырским записям, это самый первый ризничий, умерший в 1635 г.), обвинявшему преподобного Дионисия в исправлении книг на Московском соборе.¹⁶ С. А. Клепиков датирует переплет 1-й пол. XVI в.¹⁷

В лаврской библиотеке хранилась еще одна рукопись, включающая аналогичный индекс, — РГБ, ф. 304 (собр. Троице-Сергиевой лавры), № 765. Этот сборник является конволютом, состоящим из частей XV и XVI вв. Индекс входит в часть XVI в. Помимо индекса в рукописи имеются и другие выписки из Кормчей. Рукопись дана вкладом около 1640 г. старицей Хотькова монастыря Соломонидой Азарьиной, т. е. она появилась в Лавре достаточно поздно.

В троицком книгохранилище также имелись и списки индексов 2КР (РГБ, ф. 304 (собр. Троице-Сергиевой лавры), № 704, 528).

¹⁵ [Арсений, иером., Иларий, иером.]. Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1878. С. 339.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Клепиков С. А. Орнаментальные украшения переплетов конца XV—первой половины XVII веков в рукописях библиотеки Троице-Сергиева монастыря // Записки Отдела рукописей [ГБЛ]. М., 1960. Вып. 22. С. 57—73.

Наиболее древний из них (из Тр. 704) включен в Патерик 1-й пол. XV в., который в XVII в. принадлежал Арсению Суханову. В качестве дополнения к Патерику присоединен ряд статей аскетической направленности, среди которых имеется и индекс, полностью отвечающий особенностям КБ2.

Иерусалимского устава с присоединенной особой редакцией Скитского устава в Троицком собрании, как и в Кирилло-Белозерском, не сохранилось, однако сам Скитской устав с индексом 2КР (глава 95) имелся в Минее служебной за февраль (РГБ, ф. 304 (собр. Троице-Сергиевой лавры), № 528, XVI в.). На книге запись Ивана Кирьякова сына Протопопова, в монашестве Иоасафа, уставщика и библиотекаря (ум. в 1644 г.).

Единственный индекс Троицкой лавры, не относимый к Кратким редакциям, — это индекс Переходной редакции, входивший в Служебник и Требник, РГБ, ф. 304 (собр. Троице-Сергиевой лавры), № 225. Вряд ли эта книга могла возникнуть в Троицкой лавре: по уровню богословской учености она напоминает Служебник Тр. 227. Однако необходимо учесть, что при создании рукописи была использована такая же бумага, какая в 1514 г. использовалась в лавре для письма в троицком скриптории Минее служебной на май (РГБ, ф. 304 (собр. Троице-Сергиевой лавры), № 548).¹⁸

Как видно, ни одна из рукописей Троицкого собрания, содержащая индекс, не является важной в истории текста древней библиографии. Кроме того, сомнительно троицкое происхождение этих списков. Очевидно, лавра не являлась тем местом, где могла быть создана какая-либо редакция индекса или хотя бы группа текстов. При этом лаврские монахи все же интересовались памятником: 8 списков — весьма значительное число для одного книжного собрания. Бóльшее количество списков индексов имелось лишь в библиотеках Кирилло-Белозерского и Соловецкого монастырей, где шел активный процесс формирования памятника.

С полной уверенностью можно утверждать, что подбор индексов в монастырской библиотеке не был случайным. Об этом говорит тот факт, что в обширном лаврском собрании, так же, как и в собрании Кирилловского монастыря, имелись почти исключительно индексы Кратких редакций и примыкающий к ним ИБК. Здесь не имелось ни единого списка чрезвычайно распространенной в XV—XVII вв. Расширенной редакции, за редкими исключениями (по одному индексу в каждом рассматриваемом монастыре) не имелось и других типов и редакций индекса.

Таким образом, в отношении индексов в двух крупнейших монастырских книжных центрах XV в. прослеживается единая пози-

¹⁸ Лихачев. Вод. зн. № 1460.

ция, несмотря на серьезную разницу в степени интереса к этому памятнику: в Кирилло-Белозерском монастыре над ним активно работали, создавая новые редакции, вариации старых редакций, а в Троицком монастыре, похоже, над этими библиографиями работы не велось, едва ли они часто переписывались собственно троицкими книжниками. Тем не менее списки индексов имелись в достаточном количестве в обоих книжных центрах. И особо важным представляется удивительное единство в подходе к составу древних библиографий: в обоих книжных центрах использовались почти исключительно лишь Краткие редакции индексов.

Возникает вопрос: почему появилось такое предпочтение, с чем оно связано?

Решение этой проблемы кроется в характерных чертах реальной монастырской книжности, связанных с основными культурными особенностями эпохи рубежа XIV—XV вв.

При анализе репертуара Кратких редакций обнаруживается некий парадокс. Изучение истории текстов индексов приводит к выводу, что Краткие редакции памятника противопоставлены Полным именно тем, что в первых не имеется почти никаких указаний на книги, пришедшие на Русь в результате 2-го южнославянского влияния. Круг чтения, очерченный в Кратких редакциях, весьма архаичен для книжности нач. XV в., когда, как мы полагаем, он сформировался. В репертуар этих редакций входит от 40 до 52 названий и имен авторов, 40 из них мы относим к архетипическим для обеих редакций чтениям. Среди этих последних — 32 имени и названия были хорошо известны и широко распространены в русской книжности до середины XIV в. Это следующие именованья: «Иоанн Златоуст», «Иоанн Дамаскин», «Иоанн Богослов», «Иоанн Екзарх», «Иоанн Лествичник», «Кирилл Александрийский», «Варлам», «Ефрем», «Шестоднев», «Максим», «Нил», «Иасаф», «Чепи», «Крин», «Иосиф Матафинн», «Козьма Индикоплов», «Анастасий Синайский», «Лимонис», «Патерик», «Исус Сирахович», «Три вопрошения философа», «Стослов», «Странник», «Пандок», «Григорий Богослов», «Феодор Едесский», «Василий Новый», «Гранограф», «Палея», «12 Иаковлич», «Нифонт», «Андрей Юродивый».

Лишь один памятник, указание на который входило в архетип Кратких редакций, не был, очевидно, известен русским книжникам до последней четверти XIV в. Это корпус сочинений Дионисия Ареопагита.

Таким образом, в обоих монастырях были в ходу лишь индексы, очерчивающие весьма архаичный круг чтения.

Как это соотносится с реальной книжностью, бытовавшей в этих монастырях? На первый взгляд, единства реальной книжности как

Кирилло-Белозерского, так и Троицкого монастырей с репертуаром индексов Кратких редакций не должно быть. Хорошо известно, что названные два монастыря — проводники новых культурных веяний, возникших на рубеже XIV—XV вв. Именно там особо интересовались исихастской теорией и практикой и исихастской литературой,¹⁹ но как раз актуализация аскетической тематики и исихазма, как известно, являлась важным элементом 2-го южнославянского влияния.

Казалось бы, индексы Кратких редакций в собраниях этих двух монастырей являются лишь странным архаизмом.

На самом деле, как показывают исследования, проведенные М. Г. Гальченко,²⁰ книжность нач. XV в. очень сложна и, по сути, представляет собой пограничную зону, в которой встречаются на равных правах древний и новый круг чтения. И объяснение парадокса Кратких редакций кроется в реальной парадоксальности кирилловской и троицкой традиции нач. XV в.

Проанализировав книги, переписанные в Кирилловом монастыре в перв. пол. XV в., М. Г. Гальченко пришла к выводу, что в этот период здесь существовала своя традиция книжного письма. Однако из анализа ее материалов следует не высказанный исследовательницей вывод о том, что в Кирилло-Белозерском монастыре практически существовала не одна, а целых две книжные традиции, мало соприкасающиеся друг с другом.

М. Г. Гальченко рассматривает графико-орфографическую систему 9 датированных и локализованных рукописей, вышедших из скриптория Кирилло-Белозерского монастыря. 5 из них содержат тексты, известные на Руси до 2-го южнославянского влияния; среди них помимо богослужебных текстов еще и «Поучения» Феодора Студита (РГБ, Музейное собр., № 8460). Эти рукописи переписаны в традиционной графико-орфографической системе, следы 2-го южнославянского влияния выражены слабо. Исследовательница отмечает сходство этих 5 рукописей, что говорит о взаимовлиянии писцов кирилло-белозерского скриптория.

В графико-орфографической системе других 4 рукописей, вошедших в исследование М. Г. Гальченко, следы 2-го южнославянского

¹⁹ Прохоров Г. М. 1) Келейная исихастская литература (Иоанн Лествичник, авва Дорофей, Исаак Сириин, Симеон Новый Богослов, Григорий Синаит) в библиотеке Троице-Сергиевской Лавры с XIV по XVII вв. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 217—324; 2) Келейная исихастская литература (Иоанн Лествичник, авва Дорофей, Исаак Сириин, Симеон Новый Богослов, Григорий Синаит) в библиотеке Кирилло-Белозерского монастыря с XIV по XVII вв. // Монастырская культура: Восток и Запад. СПб., 1999. С. 44—58.

²⁰ Гальченко М. Г. Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси. М.; СПб., 2001. С. 167—222.

влияния прослеживаются значительно более отчетливо. Содержание этих рукописей — произведения, неизвестные на Руси до рубежа XIV—XV вв. Это две «Лествицы» в новых переводах (РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № XI, 1422 г. и РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 36/161, 1459 г.); «Беседы Григория Двоеслова с архидьяконом Петром» (Римский Патерик) (ГИМ, собр. Барсова, № 641, 1444 г.), переведенные в Болгарии в сер. XIV в.; Стишной Пролог (РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 1/1240, 1452 г.)

Таким образом, практически одновременно в одном монастырском скриптории, где, как подчеркивает М. Г. Гальченко, очевидно взаимовлияние писцов друг на друга, существуют бок о бок две разные графико-орфографические системы. При этом в круг интересов писцов, придерживающихся разных систем, входит разный книжный репертуар. На наш взгляд, не будет преувеличением утверждение, что сосуществуют не просто две графико-орфографические системы, но две книжности — старая, возникшая еще в Киевской Руси и развивавшаяся в течение нескольких веков, и новая, появившаяся в результате 2-го южнославянского влияния. Они существуют параллельно, мало влияя друг на друга: из исследования М. Г. Гальченко следует, что две сходные внутри себя группы рукописей никак не соотносятся между собой.

При анализе книжной традиции, сформировавшейся в Троице-Сергиевом монастыре, наблюдается такой же парадокс.

При жизни Сергия активной и планомерной переписки книг в монастыре еще не было. В нач. XV в., при Никоне Радонежском, и здесь образовалась деятельная группа монахов-переписчиков. В этот период был написан целый ряд рукописей, которые, по материалам М. Г. Гальченко, четко подразделяются на две группы по особенностям графико-орфографической системы, используемой в них.²¹ Так, Стихирарь минейный 1380 г. (РГБ, ф. 304 (собр. Троице-Сергиевой лавры), № 22), Сборник кон. XIV—нач. XV в. (РГБ, ф. 304 (собр. Троице-Сергиевой лавры), № 34), Служебник 90-х гг. XIV в. (ГИМ, Синодальное собр., № 952), Служебник (РГБ, ф. 304 (собр. Троице-Сергиевой лавры), № 8/М.8670), Первое Евангелие Никона Радонежского (РГБ, ф. 304 (собр. Троице-Сергиевой лавры), № 6/М.8652), Триодь постная XV в. (РГБ, ф. 304 (собр. Троице-Сергиевой лавры), № 26+ ф. 173 (собр. МДА), № 116), Евангелие перв. четв. XV в. (РГБ, ф. 173 (собр. МДА), № 138) написаны в общем в традиционной для XIV в. системе. Четыре датированные и локализованные самими писцами рукописи: Лествица Иоанна Лествичника 1411 г. (РГБ, ф. 304 (собр. Троице-Сергиевой лавры), № 156), Сборник с Поучениями аввы Дорофея 1414 г. (РГБ, ф. 304 (собр.

²¹ Там же. С. 223—299.

Троице-Сергиевой лавры), № 165), Сборник с Диоптрой инока Филиппа 1418 г. (РГБ, ф. 304 (собр. Троице-Сергиевой лавры), № 190), Сборник 1425 г. (РГБ, ф. 304, (собр. Троице-Сергиевой лавры), № 185) — переписаны в иной графико-орфографической системе. В них уже вполне интенсивно проявляется 2-е южнославянское влияние. Как отмечает исследовательница, эти две группы книг созданы почти одновременно.²²

Представляется, что выявленное противопоставление отражает реальное сосуществование в обоих книжных центрах в кон. XIV—нач. XV в. одновременных, но разнородных по характеру пластов русской книжности. Это, с одной стороны, архаическая книжность XIV в., и, с другой стороны, новая книжность, отразившая в себе черты 2-го южнославянского влияния. Помимо графико-орфографической системы новая книжность — это еще и новые тексты, широким потоком хлынувшие на Русь в кон. XIV—нач. XV в. При этом старая книжность, очевидно, была еще вполне продуктивна: об этом свидетельствует целый ряд рукописей, написанных достаточно поздно.

Таким образом, нами сделан следующий вывод. В обоих монастырях формируются два пласта книжности: архаичная, придерживающаяся традиций древности, и новая, подверженная 2-му южнославянскому влиянию. Общим для двух книжных центров является также важное расхождение между реальной книжностью и кругом чтения, обозначенным индексами Краткой редакции, созданной, возможно, в Кирилловом монастыре и активно используемой в Троицком.

Представляется, что данное положение вещей соотносится с целями составителей индекса истинных книг и ролью этого памятника в русской книжности.

В древнерусских монастырских библиотеках исследователи выделяют три раздела: служебные книги, «четы» книги (книги для соборного чтения) и келейные книги.²³ Именно с историей последнего раздела монастырской книжности теснейшим образом связаны индексы истинных книг.

Если литература для чтения при соборных и келейных богослужениях²⁴ и во время трапез регулировалась разного рода уставами,

²² Там же. С. 244.

²³ *Никольский Н.* Ближайшие задачи изучения древнерусской книжности. 1902 (ПДП. Вып. 147); *Дмитриева Р. П.* Светская литература в составе монастырских библиотек XV и XVI вв. // ТОДРЛ. Л., 1968. Т. 23. С. 143—170.

²⁴ К келейному правилу, регламентируемому уставом монастыря, мы относим и чтение Псалтыри. См. об этом: *Лурье В. М.* 1) Славянское «Сказание о Псалтыри» и его историко-литургическое значение // *Byzantinoslavica*. 1996. Т. 57. С. 140—155; 2) Из истории чинопоследований псалмопения: полная псалтырь в ежедневном

то келейное чтение, как считалось до сих пор, не регулировалось письменными предписаниями. Однако сейчас для нас очевидно, что это не так. Келейное чтение тоже регламентировалось, и орудиями этой регламентации как раз и служили очень распространенные в рукописях индексы. Другое дело, что такая регламентация не диктовалась древней традицией: Византия, как кажется, не передала Руси подробных указаний о разрешенном чтении.

У круга чтения, очерчиваемого индексами, есть свои особенности. Здесь присутствуют обычные для чтения монахов сочинения этико-аскетического характера, сочинения мистические и эсхатологические, толкования Писания. Как известно, в монастырских кельях читались и книги, выходявшие за очерченный круг (светские сочинения, апокрифы). Однако индекс истинных книг не включал их, поскольку его предмет — именно «lectio divina». Монастырское «божественное чтение» — это не просто чтение, а особый вид духовного делания, имеющий молитвенный характер²⁵ и требующий особых стратегий.²⁶

Очевидно, круг этого специфического монашеского чтения к нач. XV в. утвердился на Руси. Он был частью целостного пласта книжности, существовавшей задолго до рубежа XIV— XV вв.

Из анализа индексов и их соотношения с реальными процессами, проходившими в русской книжности нач. XV в., становится очевидным, что «старая» книжность существовала в умах книжников как определенная *единая система текстов*. До рубежа веков эта система, по-видимому, не была кодифицирована. Фиксирование в записи произошло только в период, когда она начала размываться: в рассматриваемый период на Русь хлынуло огромное количество новых монашеских текстов, место которых в келейном чтении-делании еще не было определено. Эта архаическая система и нашла свое отражение в Кратких редакциях истинных книг. Чем была вызвана потребность в кодификации? На этот вопрос пока невозможно дать исчерпывающий ответ. Возможно, это произошло в связи с общим реформированием и упорядочиванием монашеской жизни, определенными изменениями в стратегиях «духовного делания». С другой стороны, можно предположить, что книжники осознавали необходимость фиксации и сохранения традиционного, отработанного веками круга келейного чтения. Важность для монашеской жизни

правиле (в связи с историей египетского монашества IV—VII вв.) // Византийский временник. 1995. Т. 56. С. 228—237; 1999. Т. 58. С. 76—83.

²⁵ Романчук Р. «Lectio divina»: монашеское чтение на Востоке и на Западе // Монастырская культура: Восток и Запад. СПб., 1989. С. 36—46.

²⁶ Лурье В. М. Призвание Авраама: Идея монашества и ее воплощение в Египте. СПб., 2000. С. 48—53.

именно этого, архаического круга келейного чтения подчеркивается тем, что в двух крупнейших монастырях почти не было индексов с поновленным кругом чтения. По-видимому, архаический репертуар здесь осознавался как основной, базисный.

Однако ведущие книжники монастыря ощущали потребность в некоем обновлении индексов и приведении их в единство с новым, обновившимся кругом чтения.

Шаг к такому поновлению был сделан Гурием Тушиным, многое исключившим из своего индекса, однако введшим в него указания на книги, появившиеся на Руси в кон. XIV—нач. XV в. И возможно, именно Нил Сорский, великий знаток святоотеческого наследия, создал новый тип индекса, включающего огромное количество указаний на аскетическую литературу.

Характерно, что ни индекс Гурия, ни индекс, предположительно приписываемый нами Нилу, не получили в книжности того периода популярности. Впоследствии даже кирилловские монахи почти не обращались к их трудам, пользуясь Краткими редакциями Основного типа индекса.

Дальнейшее развитие индекс претерпел в других монастырях, в которых круг келейного чтения складывался позже и поэтому органично вобрал в себя уже устоявшиеся в русской книжности новые тексты. Исследование развития взаимосвязи келейного чтения и индекса истинных книг на следующем этапе будет являться темой последующей нашей работы.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИНДЕКС ИСТИННЫХ И ЛОЖНЫХ КНИГ ГУРИЯ ТУШИНА*

О книгах, о ветхих, и о новыхъ: Сиа убо ветхаго завета 1 бытие, исход, левгит. числа. вторы закон. исус наугин. судии. руф. 4 царства. по сем ездры двои. псалтырь. притчи. церьковник. иов. пророчества. 12. Сиа убо новаго закона. четыре евангелия. послания съборная 7. павловых 14. иоаново откровение. иоан златоус. василеи великии. григорей богослов. иоан дамаскин. иоан ексарх. иоан лествечник. григорей декапалит. кирил алекандрьский. дионисей арпагит. апакалипси. варлам. ефрем. пандок. лимонис. патерик. нил. иасаф. максим. василеи новыи. палея. еклисияст. шестодневце. 4 царства. маргарит. златострои. кринца. козма дикоплов. анастасии синаски.

* Пунктуация и употребление прописных букв соответствуют рукописи.

афанасии великий. исак. симеон новы богослов. петр дамаскынъ.
феодор едескы // зосимины главы. антиох. нифонт. а сия лживая
писания, и словеса. сия сут имена им. адам. енох. ламех. патриарси.
молитва иосифля. завет моисеов. псалмы соломони. ильино обав-
ление. исаино видение. софониино обавление. иаковле повесть.
обиходи апостольстии. евангелие от варнавы. въпрос богородици.
епистолиа о недели. петрово хождение, и что отрочатем продавал
господа. и что рыбы посуху ходили. о службе таин христовъ, что
опоздят врата деи затворятся и попа кленут. сия еретик писал, сия
убо отчасти написана быс. писа поп еремея еретик был.